

Андрей Леонидович Шемякин

УДК 321.011(497.11)“1878/1918”
321.727:159.922.4(=163.41)

Народ и власт в независимой Србији 1878–1918

Апстракт: У чланку се анализира однос поданика према монархијској власти у независној Србији 1878–1918. Аутор закључује да је народ свог владара доживљавао као проширену власт главе патријархалне породице, а не као божјијег изабраника. Власт патријархалног старешине породице била је изборна и подложна смењивању, а он је био одговоран пред заједницом, а не пред богом. Због тога Срби своје владаре нису поштовали на начин како је то чињено у другим европским монархијама, није било дистанце између власти и народа, а поданици су се према владарима опходили као према „првима међу једнакима“. То је условило сталну нестабилност положаја српског монарха.

Кључне речи: патријархално друштво, монархизам, власт, Обреновићи, Карађорђевићи

„Его Величество присутствовал на спектакле в театре:
никто не удосужился встать, когда он вошел“
Альбер Мале
(„Дневник с сербского двора. 1892–1894 г.“)

„Утром король гуляет по городу пешком или ездит верхом.
Когда его узнают на улицах, он любит говорить с крестьянами и рабочими.
Летом король обыкновенно ездит верхом в дачное место около Белграда,
и, если видит, что кто-либо, кого он знает, уже встал и возится у себя в саду,
он часто останавливает лошадь и начинает с ним разговаривать через забор“
Г. В. Комаров
(„В Белград на Пасху. 1914 г.“)

В данном материале нам бы хотелось реконструировать схему взаимоотношений народа и власти в независимой Србији (1878–1918), или, если еще точнее – проследить, как сербское крестьянство (доля которого в населении никогда

не опускалась ниже 87%) воспринимало сам институт монархии, своих правителей и лидеров вообще. Такая постановка вопроса органично вписывается в более широкую и принципиально важную для всех Балкан тему: „Государство и его институты в традиционных обществах“.

При этом, нам надлежит объяснить, почему даже в период независимости, когда национальная свобода сербянцев, казалось бы, была завоевана, а страна вступила в этап внутренней реконструкции, сербский монархизм продолжал пребывать в кризисе – вспомним хотя бы жестокий конфликт Милана Обреновича с народом, завершившийся в 1889 г. отречением короля; череду государственных переворотов и насильственную смену династий; отказ кронпринца Джордже от престолонаследия и фактический уход от дел в июне 1914 г. самого Петра Карагеоргиевича... И, соответственно, перед нами встает триединый вопрос: в чем же причина этого *перманентного кризиса монархизма*¹, когда ни один из сербских суверенов, кроме, пожалуй, Милоша, не умер в собственной постели, оплакиваемый верными подданными; как в таких условиях функционировало государство; и какие (мы имеем в виду – нелегитимные) центры силы присутствовали в политической жизни независимой Сербии?

Заметим, что мы ни коим образом не претендуем на исчерпывающее объяснение указанного феномена (статья носит сугубо постановочный характер); хотелось бы лишь наметить основные линии будущего *сравнительного* исследования, каковое, о чем уже говорилось, мы считаем крайне важным в общем контексте региона.

* * *

Но для начала, имея в виду посвящение многих научных мероприятий 2004 г. юбилею начала Сербской революции, приведем два отрывка из источников той эпохи. Во-первых, свидетельство Вука Караджича, описавшего выбор Карагеоргия верховным предводителем восстания на скупщине в Орашце: „Кто же будет наш старейшина? – вопрошали выборщики. – Ни один дом не может

¹ Мы вполне отдаем себе отчет во всей уязвимости термина „перманентный кризис монархизма“ в отношении к истории Сербии 1804–1918 гг. Однако, призывая коллег к дискуссии, хочется спросить: как тогда называть положение, когда, повторимся, за 114 лет ее существования не было ни одного монарха, который бы правил *регулярно*. Трое было убито (Карагеоргий, Михаил и Александр Обреновичи), двое правили по два раза (Милош и Михаил), причем оба периода их правления были разделены многолетним изгнанием. Александра Карагеоргиевича изгнали навсегда. Милан Обренович сам и открыто отрекся от престола, а Петр Карагеоргиевич сделал то же самое, но более дипломатично. Трижды (а, если точнее, то и четырежды) у власти находилось коллективное Регентство, а один раз Регентом при живом отце был принц Александр Карагеоргиевич, который сам-то стал престолонаследником после „отставки“ старшего брата. Ну, а в конце XIX в. в Сербии вообще случился казус – *de facto* в ней было два короля...

существовать без старейшины, а тем более народ. Вот и нам надобно знать, кого спрашивать и кого слушаться...“.² Вторая цитата – из только что вышедшего дневника российского военного агента в Черногории Н. М. Потапова, подготовленного к печати нашим черногорским коллегой Радославом Распоповичем. Русский офицер записал сообщенный ему диалог Милоша Обреновича с Климентом Меттернихом: „Однажды Меттерних, желая смутить Милоша, спросил его: ‘Правда ли, что вы в детстве пасли свиней?’ ‘Правда’, – ответил Милош, – и добавил: ‘Но если бы вы их пасли в детстве, то оставались бы свинопасом и по сей день’“.³

Данные высказывания непосредственных участников событий проясняют два важных обстоятельства. Во-первых, когда перед повстанцами Белградского пашалыка встала задача возрождения собственной государственности, они обратились к привычным традициям семьи (задруги) и общины – древних форм самоорганизации и выживания сербского этноса под властью турок. Именно поэтому шумадийский селяк и воспринимал *свое* нарождающееся государство, как многократно увеличенную копию *своего* же „микромира“, отношения в котором базировались на нескольких принципах, освященных старым обычаем, а именно: „Отдельный член задруги должен подчинять свою личную волю коллективной воле всех членов, которая воплощается в решениях старейшины“.⁴ Но при этом, власть последнего не была абсолютной – обычай защищал задругаров от возможного самодурства *первого среди равных*, который, „несмотря на то, молодой он или старый, всегда может быть заменен другим, если члены задруги сочтут, что такая смена целесообразна и полезна...“.⁵ Как видим, люди в руководстве *могли меняться* (это для нас крайне важно), сам же принцип главенства и подчинения (при условии выборности и договора, т. е. *личной санкции снизу*, что тоже существенно) оставался незыблемым. И все это в рамках норм обычного права, а не писаного закона, отношение к которому у сербов долгое время оставалось весьма скептическим.

И, во-вторых, такое (патриархальное) восприятие государства порождало столь же специфическое представление о монархе, каковой в глазах крестьянина, по словам современника, „являлся главой задруги, в отношении которого ее члены также имели некоторые права“⁶; прежде всего, как уже говорилось, право его выбора и возможность замены в результате *личного* с ним общения. Поэтому и сами основы *нового* сербского монархизма (назовем его так) были

² Караџић В., *Први српски устанак*, Београд 1979. стр. 26.

³ Потапов Н. М., *Руски војни агент у Црној Гори*, Том II. *Дневник. 1906–1907, 1912, 1914–1915*, (приредио Р. Распоповић), Подгорица-Москва 2003, стр. 140.

⁴ Карић В., *Србија. Опис земље, народа и државе*, Београд 1887, стр. 156–157.

⁵ Там же. стр. 156.

⁶ Николајевић Д., *Краљ Милан и Тимочка буна*, Београд 1927, стр. 70.

совершенно иными, чем в Европе или России, что точно и емко выразил Милош в своем ответе Меттерниху.

И впрямь, вместо иерархии – патриархальный эгалитаризм; аристократичности – плебейское происхождение; целой толщи предшественников – младенческий возраст, а исторического права – выборность. Отсюда и проистекала возможность импровизаций и „кадровой“ чехарды на престоле, чем новая сербская история была столь богата.

Итак, повторимся, свое государство сербский селяк понимал, как во много раз увеличенную копию семьи. Соответственно, монарх – это ее глава, или *отец*... Отсюда понятно, почему, „в отличие от соседних народов, сербы не терпели на своем престоле представителей иностранных династий“.⁷

Столь архаичные представления о власти сохранялись в народе на протяжении всего периода независимости, что подтверждают и русские очевидцы. „Семья, – писал один из них уже в 1880-е годы, – служит прототипом государству...“.⁸ Сама же власть, централизуясь и дифференцируясь, неизбежно отчуждалась от него, и, следовательно, менялся сам характер управления: на смену традиционной авторитарности „семейного“ типа, когда крестьянин *сам* выбирал своего старейшину, которому верил и подчинялся, приходила безликая тирания госаппарата; собрание же и договор, как основа прежнего решения дел на местах, заменялись прямыми директивами из столицы – потребность внутренней консолидации государства связывала всю его территорию единой волей центра. Соответственно, избираемые населением и отвечающие перед ним старейшины (*свои*) постепенно выдавливались назначаемыми сверху чиновниками – проводниками этой самой воли (*чужими*). Процесс политической модернизации, таким образом, рвал узы привычной интимности во взаимоотношениях низов и верхов, возводя между ними непроницаемую бюрократическую стену, что вызывало в низах открытый протест.⁹ Прав немецкий коллега Ханс-Михаэль Мидлих, четко уловивший эту константу новой сербской истории: „Негативное отношение народа к власти, государству и монарху росло ровно настолько, насколько их деятельность была направлена на модернизацию государственных и общественных структур“.¹⁰

⁷ Matić M., *Liberalizam, populizam i demokratija*, Beograd 2002, стр. 228.

⁸ *Народ и княжеская власть в Сербии. Из записок Ф. Бацетича*, Москва 1882, стр. 189.

⁹ См., например: Ђорђевић Т., *Наши народни живот*, Beograd 1923, стр. 42–48.

¹⁰ Мидлих Х-М., „Патријархални менталитет као сметња државне и друштвене модернизације у Србији XIX века“, у: *Историјски часопис*, Књ. XXXVIII (1991), Beograd 1992, стр. 115. Великий сербский историк Слободан Йованович еще в начале XX в. выделил патриархальный позитив этой универсальной формулы: „На протяжении всего XIX в. наш народ стремился организовать свою государственную жизнь на семейно-общинных принципах, базируя ее на общем договоре, а не на единстве власти. Постоянный совет и обсуждение, а не концентрация управления

И если Милош Обренович – этот неграмотный и деспотичный правитель, но, все-таки, *свой*, – умевший с народом обходиться, ладить¹¹ и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии („обращение его с ним было патриархальное, доступное“¹², – как отмечали русские), имел право патетично воскликнуть: „О, народ, ты моя сила!“¹³, то его наследники, принадлежавшие к категории „просвещенных“ монархов, на него уже не походили: в своей политике они мало прислушивались к бьющемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь всего лишь на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. И когда король Милан выражал недовольство своим „безумным народом“¹⁴ за непонимание и саботаж его „государственной идеи“, последний через своих представителей в скупщине отвечал ему тем же, кляня за то, что он „вел страну путем чуждым и глубоко противным сербским традициям“.¹⁵ Очевидно, что при столь взаимоисключающих посылах надеяться на компромисс не приходилось, что и вылилось в Тимокское восстание осени 1883 г. и последовавшие за тем события, которые прозвучали для Обреновичей похоронным звоном.

При этом важно отметить, что крестьянское видение перспективы в Тимокском противостоянии с монархом оставалось опять же глубоко патриархальным: повстанцы предполагали изгнать (т. е. *заменить*) непопулярного короля, ломавшего традиционные правила игры, – часть из них вообще предполагала провозгласить особую Тимокскую республику.¹⁶ Новым же королем, в предста-

в одних руках, должны были олицетворять государство“ (Јовановић С., „Наше уставно питање у XIX веку“, у: *Српски књижевни гласник*, XIX, Св. VI, Београд 1905, стр. 521).

¹¹ Российский путешественник Е. Л. Марков донес до нас показательный рассказ: „Милош приказал срубить дубы между Топчидером и большой дорогой. Семья и приближенные напрасно убеждали его, что рубить нельзя, что дубы чужие. ‘Срубить!’ – упрямо настаивал властный старик. Тогда пришел кмет соседней деревни и сказал: ‘Князь, деревья рубить нельзя’. Милош разгневался и изругал старшину. ‘Тебе, мужику, какое дело! Срубить, и только’ – крикнул он. ‘Нельзя, князь! Деревья наши, принадлежат нашему селу. Мы не касаемся твоих деревьев, так и ты не тронь наших...’. Старый Милош задумался, и деревья уцелели.“ (Марков Евг., *Путешествие по Сербии и Черногории*, Санкт-Петербург 1903, стр. 191–192).

¹² „Сербия“, у: *Русский сборник*, Санкт-Петербург, 1877, Т. 2, стр. 133.

¹³ По определению сербского исследователя Лазара Вркатица, „патриархальный способ правления Милоша Обреновича поделил Сербию как бы на две субстанции – князя и народ. Между ними не было никого...“ (Vrkatic L., *Pojam i bice srpske nacije*, Sremski Karlovci – Novi Sad 2004, стр. 78).

¹⁴ Подлинное выражение монарха из его письма Милутину Гарашанину от 28 ноября 1886 г. (Архив Србије (далее – АС). Фонд Милутина Гарашанина. Бр. 1058. Л.18).

¹⁵ Никола Пашић у *Народној скупштини*, (приредила Л. Перовић), Београд 1997, Књ. 2, стр. 543 (документ 114, примечание 20).

¹⁶ См.: Љушић Р., „Пера Тодоровић – противник и пријатељ Обреновића“, у: *Пера Тодоровић*, Зборник радова, Београд 1999, стр. 30.

влении народа, вполне мог стать очередной „свинопас“: так, жители села Гуча, что под Чачком, поднимая в августе 1883 г. тост за здоровье своего земляка Ранко Тайсича – знаменитого радикального демагога и главы местной общины, возглашали: „Дай Бог долгих лет жизни Ранко Тайсичу, он – наша крестьянская гордость. Быть может, станет королем, поскольку нынешний король нам не нужен...“.¹⁷ В этом высказывании, как в капле воды, отразился весь „низовой“ монархизм сербского селяка!

И последний Обренович, молодой и амбициозный король Александр, не скрывал своего отношения к подданным. „Я огорчен и разочарован, – говорил он, – с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать.“¹⁸ Видимо поэтому он и предполагал в качестве опоры трона создать некое подобие сербского дворянства.¹⁹ И это в среде, где, по высказыванию посланника во Франции Миленко Веснича, „всякий серб считает себя господином, а это значит, что никого, ни в социальном, ни в юридическом плане, он не признает выше себя“.²⁰ В конце концов неудивительно, что народ возненавидел сына столь же единодушно, как и его родителя. По свидетельству англичанки Мэри Дэрэм, побывавшей на Балканах в 1902 г., „во всей Сербии я не слышала о короле ни одного доброго слова. Он скорее безумен, нежели порочен – это лучшее из того, что о нем говорится. По отношению к нему я не видела ничего, кроме презрения“.²¹ Его конец был по-балкански жесток...

* * *

И здесь представляется важным несколько подробнее остановиться на личности Милана Обреновича – именно он олицетворял собой институт монархии в независимой Сербии на протяжении большей части отпущенного ей исторического времени (1878–1900). И именно на его примере особенно наглядно проявилась глубина непонимания Коронай своих верноподданных (несмотря все на благие намерения), которая, в конце концов, и привела к трагическому закату династии. Ведь, как справедливо замечают отечественные исследовате-

¹⁷ АС. Ф. Поклони и откупи. Збирка Добре Ружића. Кутија 27. Бр. 183 (Поверљиви деловодник краља Милана, 30. августа 1883. г.).

¹⁸ Мале А., *Дневник са српског двора. 1892–1894*, (приредила и превела Љ. Мирковић), Београд 1999, стр. 186–187.

¹⁹ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее – АСАНУ). Бр. 7242/ХVI. Дневник Милана Милићевића. Св. 16. Л. 2820.

²⁰ Цит. по: Лафан Р., *Срби – чувари капије*, Београд 1994, стр. 271. „‘Всякий серб – дворянин!’ – говорит с гордостью серб. Это шляхетское чувство собственного достоинства, распространенное на весь народ.“ (Леонтьев К. Н., „Византизм и славянство“, у: Леонтьев К. Н., *Храм и церковь*, Москва 2003, стр. 65).

²¹ Дарам М., *Кроз српске земље*, (превео и приредио В. Милановић), Београд 1997, стр. 201.

ли европейского монархизма, „чтобы сохранить себя как институт верховной власти, монархия должна была соответствовать ритмам развития общества“.²² Т. е. стараться не отстать от темпов его эволюции (как на западе), но и не „шпорить“ насильно, перемахивая через объективные препятствия (как на востоке). И, наконец, – возможно более органично вписаться в те представления, что исторически сложились в народном сознании о своих предводителях.

О первом „независимом“ сербском монархе современники и потомки писали по-разному. Победившие в мае 1903 г. радикалы надолго втоптали его имя в грязь, обозвав „демоном Сербии“. Встречались, правда, отдельные апологеты, но тоже с далекими от чувства меры оценками.²³ В последние десятилетия прозвучал призыв выйти за рамки радикальной традиции и взглянуть на М. Обреновича и его эпоху более объективно.²⁴ За призывом последовали дела²⁵, и ныне мы уже имеем обобщающий вывод, сделанный профессором Радошем Льюшичем: „За время правления Милана Обреновича Сербия превратилась в современное европейское государство. Она обрела независимость и увеличила территорию; возвысилась в ранг королевства и создала мощную военную организацию; развила целостную систему государственных институтов в период благотворной законодательной деятельности напредняков и получила одну из самых передовых конституций, которая сделала возможным введение парламентаризма. Был ощутим и экономический взлет, особенно после постройки железной дороги“. И далее: „Сегодня, когда династические страсти утихли, а влияние бывших радикалов сошло на нет, общее представление о короле Милане кажется более позитивным, чем то, какое укоренилось в сознании сербского народа...“.²⁶

Что и говорить, вердикт ученого впечатляет. Но так ли уж гладко и органично шло строительство „европейского государства“ в Сербии; насколько сам коронованный „архитектор“ соответствовал этой задаче ее модернизации; какой,

²² Европейские монархии в прошлом и настоящем. Санкт-Петербург 2001, стр. 3.

²³ См.: Николајевић Д., *Краљ Милан и Тимочка буна*, Београд 1927; Николајевић Б., *Из минулих дана. Сећања и документи*, Београд 1986; Тодоровић П., *Огледало. Зраке из прошлости*, (приредила Л. Перовић), Београд 1997; Он же. „Успомене на краља Милана“, у: Тодоровић П., *Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана*, (приредила Л. Перовић), Београд 1997. Пера Тодоровић, например, писал об „ангельской чистоте короля Милана“ (См.: Льюшић Р., „Пера Тодоровић – противник и пријатељ Обреновића“, у: *Пера Тодоровић. Зборник радова*, Београд 1999, стр. 55).

²⁴ См.: Льюшић Р., „Предговор“, у: Васиљевић А., *Моје успомене*, (приредио Р. Льюшић), Београд 1990, стр. 22.

²⁵ Льюшић Р., „Милан Обреновић“, у: Льюшић Р., *Србија 19. века. Изабрани радови*, Београд 1994, стр. 135–142; Он же. „Никола Пашић и Обреновићи (борба за опстанак)“, у: *Никола Пашић. Живот и дело*, Зборник радова, Београд 1997, стр. 87–107; Он же, „Пера Тодоровић – противник и пријатељ Обреновића“... стр. 25–57.

²⁶ Льюшић Р., *Милан Обреновић*... стр. 142.

наконец, ценой были достигнуты указанные результаты, если они вообще были достигнуты?²⁷ Лишь осветив данные стороны дефиниции Р. Люшича, как нам думается, можно будет доподлинно выяснить – есть ли все-таки основания говорить о „более позитивном представлении“ в сравнении с „укоренившимся в народе“ былым неприятием.

Но для начала – несколько слов о том, почему это неприятие в народе вообще укоренилось.

Уже упоминалось, что сербский крестьянин видел в своем монархе главу семьи, по отношению к которому „домочадцы“ имели определенные права, что сдерживало его потенциальное самоуправство. Кроме того, все важные вопросы такой отец должен был решать *в договоре* с ними, реализуя затем *общую* волю коллектива...

Отвечал ли Милан Обренович таким патриархальным представлениям? Ничуть! Он всегда стремился править без ограничений. По словам бывшего сербского премьера Любомира Кальевича, „его природному дару мешало отсутствие душевного равновесия и неутолимая склонность к самоволию“. А потому „король Милан никогда и не смог бы стать конституционным монархом. Он сам это чувствовал, а в моменты искренности и признавал“.²⁸ И, правда, признавал. „Конституционный монарх на Востоке – это полная бессмыслица“²⁹, – утверждал он, например, повторяя, что „правит не по воле народа, но по праву своей династии“.³⁰ Как монарх понимал это самое „право своей династии“, мы покажем ниже; к народу же он относился, по свидетельству другого премьера – Милана Пирочанца, с презрением, „ненавидя его до глубины души...“.³¹

Итак, желание быть самодержцем и полное отсутствие традиций абсолютизма в сербской крестьянской среде („Сербь, нечего и говорить, все демократы...

²⁷ Приведем здесь оценку внутренней ситуации в Сербии, данную высшим судебским чиновником Николой Крстичем, которого весьма трудно заподозрить в антидинастической предвзятости. В 1895 г. он занес в дневник свои размышления: „Мы вступили в войну с Турцией, стали независимыми, увеличили территорию, но Боснию и Герцеговину оккупировала Австрия и тем самым приготовила себе путь, чтобы захватить и Старую Сербию, а вместе с ней и нас. Мы залезли в долги, но не видно, на что ушли занятые деньги. Построили железную дорогу, но уж очень дорогую. У нас множество генералов и полковников, но нет армии, поскольку нет денег, чтобы ее содержать. У нас имеется королевство и целых два короля... Есть политические партии, готовые перерезать друг друга“. При этом, „многие политические институты у нас понимаются ошибочно, ... потому здесь и случается то, чего в других странах не бывает“. И „даже сейчас в Сербии нет элементов для парламентской жизни... Смилуйся, Боже, над бедным и измученным сербским народом...“ (Архив Српске Академије Наука и Уметности. Бр. 7213. Дневник Николе Крстића. „Јавни Живот“ (1895). Записи от 18 апреля, 17 сентября, 12 ноября).

²⁸ Кальевић Љ., *Моје успомене*, Београд 1908, стр. 53.

²⁹ Perović L., „Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću“, у: *Tokovi istorije*, 2002, Br. 3–4, стр. 100.

³⁰ См.: Жујовић Ј., *Дневник*, (приредио Д. Тодоровић), Београд 1986, Књ. 1.

³¹ Perović L., „Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću“... стр. 100–101.

Залогов для неограниченной монархии мы в Сербии не видим³², – писал еще в 1875 г. Константин Леонтьев) – это первый камень преткновения в отношениях между Обреновичем и его народом, начальная фаза „укоренения“ в сознании последнего негативного впечатления о своем короле.

Вторым камнем стало *безграничное* австрофильство монарха. Речь здесь не идет о внешнеполитическом курсе – после Сан-Стефано, зафиксировавшего проболгарскую линию России, это был единственный выбор Белграда. Однако, не умея ни в чем найти середину, Милан бросился в объятия Вены со всей страстностью неопита. В опасении своего народа, Карагеоргиевичей и России, *такая* связь представлялась ему гарантией династии. Поэтому он не только сознательно ограничил суверенитет Сербии (в Тайной конвенции 1881 г.), сведя его **de facto к уровню протектората, но и вообще предлагал включить ее** в состав Австро-Венгрии³³, а своих министров обвинял „в недостаточной преданности Вене...“³⁴ Показательно, что даже апологеты уличали его в этой слепой привязанности: „Милан Обренович, – резюмировал один из них, – испытывал сильную симпатию к Австрии, которая интимно сблизила его с Веней. Но, тем самым, он вошел в клинч со всей нашей историей, забыв, что в своих темных глубинах она всегда отвергала *душу* той Австрии... По причине такой слабости, Милан Обренович так и не стал великим монархом“³⁵.

Как видим, и в своей внешнеполитической ориентации (а точнее – в ее негибкой и крайне неполитичной одномерности) он напрочь выбивался из системы традиционно-русофильских пристрастий собственных подданных.³⁶

Третья причина отсутствия гармонии в отношениях короля и народа крылась в особенностях политического процесса в Сербии в 1878–1888 гг. – первом по обретении независимости и наиболее судьбоносном десятилетии ее суверенной истории. Именно в это время наиболее ярко проявились черты Обреновича IV-го, как монарха и человека.

В историографии уже не раз отмечалось, что, повернувшись в 1880 г. „лицом к Вене“, Милан Обренович, четко обозначил намерение *во что бы то ни стало* „втянуть“ Сербию в Европу. Во исполнение этого, призванные им к власти напредняки (сербские „либералы второго поколения“) во главе с М. Пирочанцем

³² Леонтьев К.Н., „Византизм и славянство“, у: Леонтьев К. Н., *Храм и церковь*, Москва 2003, стр. 64–65.

³³ Vrkatić L., *Pojam i biće srpske nacije*, Sremski Karlovci – Novi Sad 2004, стр. 163.

³⁴ Perović L., „Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću“... стр. 100.

³⁵ Николајевић Д., *Краљ Милан и Тимочка буна...* стр. 7.

³⁶ Русский доброволец 1876 г., оставшийся затем на Балканах, А. П. Хитрово писал в сентябре 1882 г. И. С. Аксакову: „Король Милан стал послушником Австрии горшим, чем был последний из династии Карагеоргиевичей (князь Александр, – А. III.)... В народе сербском злоба против него растет не по дням, а по часам“ (Рукописное отделение Российской Национальной библиотеки (далее – РО РНБ). Ф.14. Д.378. Л.4).

и сделали ставку на прямое заимствование, т. е. „пересадку“ результатов западного опыта в местную почву, совсем без учета ее адаптивных возможностей. По свидетельству очевидцев, они „собирались насадить в Сербии европейскую культуру“³⁷ и при этом „насиловать и подавлять народ для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу“.³⁸

Понятно, что брошенный столь откровенно вызов не мог остаться без ответа, и это вносило в развитие независимой Сербии черты биполярности. Стремление властей *европеизировать* страну скорым кавалерийским наскоком порождало резкое неприятие оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии – „традиционалистское поведение“, по суждению Карла Манхейма, „есть начальная реакция на сознательные реформаторские тенденции...“.³⁹ Причем сила воздействия *реформаторов* была прямо пропорциональна жесткости отпора *охранителей*, что особо впечатляет, если под ними понимать общественный монолит (почти 90% крестьян примерно равного состояния), единый, прочно сцепленный патриархальными представлениями и организованный традиционной контрэлитой – радикалами.

Напряжение на обоих полюсах неуклонно росло. „Желание остановить историю столкнулось со стремлением принудить ее к прыжку“⁴⁰, – описывает типологически схожую ситуацию Ю. М. Лотман. При этом каждый лагерь, свято веря в свою правоту, отказывал в таковой оппоненту, превращавшемуся в смертельного врага. Борьба с ним осознавалась как миссия, направленная на благо Сербии. В действительности же страну разрывали на части.

В такие переломные моменты особо возрастают роль и ответственность Короны, как единственной надпартийной силы, гаранта единства и стабильности государства. Сыграл ли М. Обренович такую роль? Нет. И даже не пытался, чем лишь подлил масла в огонь взаимной неприязни. Вместо того, чтобы стать инициатором „рационализации конфликта“⁴¹ и взять в свои руки дело гармонизации опасно разошедшихся интересов, монарх открыто выступил на стороне сербских ультралибералов (напредняков). „Это моя партия“⁴², – повторял он,

³⁷ Овсяный Н.Р., *Сербия и сербы*, Санкт-Петербург 1898, стр. 90.

³⁸ Лавелз Э. де, *Балканский полуостров*, Москва 1889, Ч.1, стр. 204.

³⁹ Манхейм К., „Консервативная мысль“, у: Манхейм К., *Диагноз нашего времени*, Москва 1994, стр. 593, 596.

⁴⁰ Лотман Ю.М., *Культура и взрыв*, Москва 1992, стр. 261.

⁴¹ „Образ врага“, пишет В. Г. Федотова, „есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес“. В отличие от него, „рационализация конфликта“ – это „согласование интересов“ (Федотова В. Г., *Модернизация „другой“ Европы*, Москва 1997, стр. 161).

⁴² Васильевич А., *Моје успомене...* стр. 145; Марковић М., *Моје успомене*, Београд 1909, стр. 92.

продолжая поощрять их к „преодолению пространства истории в самые сжатые сроки...“⁴³

По оценке академика С. Д. Сказкина, правитель Сербии „шел напролом против своего народа“.⁴⁴ Что это? Преувеличение историка, порожденное антипатией к герою? Ничуть. „Он остался иностранцем в своей стране“⁴⁵, – не без сожаления констатировал в середине 1880-х годов австро-венгерский кронпринц Рудольф Габсбург, размышляя о белградском приятеле. И далее, в сопоставлении, продолжал: „Все свое будущее король связал с Австрией, но, по правде говоря, он еще более помог бы нам, если б понял, как важно иметь крепкие связи со страной и располагать любовью своего народа... В этом мне видится большая разница с Румынией. Король Карл (Гогенцоллерн!!! – А. Ш.) – и телом, и душой румын, а потому у него там куда более стабильная позиция“.⁴⁶ И самые дальновидные сербы, оценивая с высоты прожитых лет размах межпартийной борьбы 1880-х годов, весьма сожалели о столь явной политической ангажированности монарха – „будто это был не сербский король, а член какого-то партийного комитета“.⁴⁷ По их мнению, это было ошибкой, которая, как писал сам в прошлом ярый радикал, ставший затем не менее ярким сторонником Обреновичей, Пера Тодорович, „оказалась роковой для него, для нас и для всей страны“.⁴⁸ Увы, признает другой апологет, он „забыл, что самая большая мудрость политика – никогда не терять связи с народной душой“.⁴⁹

Носитель же ее вполне разделял мнение венского принца о своем монархе. По словам М. Пирочанца, „народ сербский не любил короля Милана. Он

⁴³ Лотман Ю. М., *Культура и взрыв...* стр. 270.

⁴⁴ Сказкин С. Д., *Конец австро-русско-германского союза*, Москва 1974, стр. 236.

⁴⁵ Русский славист П. А. Кулаковский, преподававший в 1878–1882 гг. в Белграде, занес в дневник слышанную от Йована Ристича характеристику Милана Обреновича: „Когда он приехал из Франции, он был настоящий француз; когда побывал в Ливадии, он вернулся настоящим русским; а теперь, побывав в Австрии, он вернулся австрийцем“ (Отдел рукописей Института русской литературы РАН (далее – ОР ИРЛИ), Ф.572. Оп.1. Д.1. Л.12 (запись от 12 октября 1880 г.)).

⁴⁶ Алимпий Д., „Приказ кнѣге *Namann B. Kronprinz Rudolf. 'Majestat, ich warne Sie...'* (München, 1986)“, у: *Историјски часопис*, Књ. XXXVI, Београд 1989, стр. 288–289.

⁴⁷ Тодоровић П., „Краљ Милан и радикална странка“, у: Тодоровић П., *Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана...* стр. 174. 21 марта 1882 г. П. А. Кулаковский сообщил И. С. Аксакову: „Милан с руками и ногами попал в грязь партийной борьбы и на днях собирается отправиться в путешествие по Сербии, чтобы агитировать в пользу избрания депутатов партии правительственной“ (ОР ИРЛИ, Ф.572. Оп.1. Д.44. Л.28 об.)... Через два месяца Кулаковский извещал своего адресата о „деталях“ монаршего путешествия и его результатах: „Вы знаете, что выборы окончились избранием почти всех радикалов прежних. Не помогла и поездка короля и его безумные речи народу. Я знаю *наверное*, что он ругался просто ‘по-матерному’, когда ездил по Сербии, принимая депутации, где были члены оппозиции.“ (РО РНБ, Ф.14. Д.191. Л.2).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Николајевић Д., *Краљ Милан и Тимочка буна...* стр. 129.

вообще считал его иностранцем румынской крови...“.⁵⁰ Эта стойкая народная нелюбовь особо наглядно проявилась в момент смерти Милана Обреновича, почившего в Бозе 29 января 1901 г. в Вене. Оказавшись два месяца спустя в Белграде, А. В. Амфитеатров описал, что он там увидел: „Все официальные бумаги в Сербии, визитные карточки служащих во всех правительственных учреждениях, офицерские и чиновничьи униформы облечены в траур по Милану – самый формальный и неискренний политический траур в истории нашего времени! Потому что не было серба, который явно или тайно не радовался бы его смерти. В беседах с великими и малыми я одинаково слышал откровенные фразы: ‘Бог жжалился над Сербией и взял к себе Милана’“.⁵¹ Конечно, это не по-христиански, но что иное могли сказать люди, которых сам экс-монарх, не таясь, величал „уличным сбродом“ („сокачки олош“)?

Мы показали главные причины *укорененности* негативного чувства в сознании сербского народа к своему „первому после Косова королю“. Важно при этом отметить, что сам Милан Обренович отдавал себе отчет в этой „негармоничности“ отношений. В 1894 г. (т. е. до „второго пришествия“ в Сербию) он заключил в одном из писем: „Мы так и не смогли понять друг друга, народ и я. Счастье это для Сербии или несчастье – покажет будущее“.⁵² Посмотрим теперь, как, с высоты этого „будущего“, или Истории, можно расценить деятельность монарха, отталкиваясь от схемы профессора Люшича.

Первое его достижение, согласно этой схеме, – „благодетельная законодательная деятельность напредняков и создание цельной системы государственных институтов“.

Уже говорилось, что король всячески поддерживал кабинет Милана Пирочанца, ибо тот солидаризировался с его новым курсом опоры на Вену; боролся с его врагами – радикалами; принимал законы о строительстве железной дороги, о регулярной армии и т.д., что не только вело к модернизации государства, но и отвечало личным интересам монарха. Однако, едва такая „благодетельная законодательная деятельность“ подошла к своему зениту – необходимости принятия новой конституции, которая и оформила бы внутреннее устройство Сербии, как „современного европейского государства“, король сразу же отыграл назад, не желая ни на йоту ограничивать свою личную власть. Все же заявления, что целью его деятельности была реконструкция страны в *либеральном* духе Европы были ложью – по воспоминаниям Пирочанца, „на заседаниях правительства он

⁵⁰ Perović L., „Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću“... стр. 101. Мать Милана Обреновича, Мария Катарджи, происходила из знатного валашского рода.

⁵¹ Амфитеатров А. В., *В моих скитаниях. Балканские впечатления*, Санкт-Петербург 1903, стр. 84.

⁵² Рукописно одељење Матице Српске (далее – РОМС). Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.427. „Краљ Милан и краљица Наталија“.

сопротивлялся проведению любых мер, расширяющих внутренние свободы⁵³. И кроме того, „само слово закон приводило его в раздражение“⁵³, что оборачивалось нередкими ссорами с легалистом-премьером, которого (чем дальше, тем все больше) монарх желал уволить.⁵⁴ После Тимокского восстания *европейские* реформы вообще были свернуты, а второй напредняцкий кабинет возглавил Милутин Гарашанин – лично преданный (в тот момент) монарху политик.

Рокировка премьеров выявила еще одну особенность правления М.Обреновича – он не терпел в своем окружении людей с независимыми взглядами, считая настоящими друзьями только тех, „кто безусловно верил в его ум и одобрял все поступки, даже если они и казались им не совсем уместными“⁵⁵. Так складывался личный режим, имевший с „современным европейским государством“ мало общего. Подтверждением тому служит история с введением конституции 1888 г. и ее дальнейшая судьба.

Итак, второе достижение Милана Обреновича – это „принятие одной из самых передовых конституций, которая сделала возможным введение парламентаризма“. На первый взгляд, уже само такое мероприятие кажется просто невозможным, имея в виду все, сказанное выше. Однако, никакого парадокса здесь нет и впомяне.

К 1888 г. король утомился. От борьбы с радикалами, от скандалов в собственном семействе (что опять же не придавало ему популярности в народе с его патриархальной моралью). Сильно влияли и внешние факторы – поражение в войне с болгарам; смерть кронпринца Рудольфа, на которого Обренович возлагал особые надежды в будущем. „К тридцати пяти годам он поседел, как овца“⁵⁶, – писал П. Тодорович. Решив отречься от престола в пользу малолетнего сына, он обеспечил его трон – продлил действие Тайной конвенции с Веней; назначил регентами трех преданных династии политиков (двое из них были генералы) и даровал ту самую „передовую конституцию“, которая вводила в стране „парламентаризм“. Парламентские процедуры, в свою очередь, гарантировали власть радикалам, которые из непримиримой оппозиции Обреновичам превращались в *монополю* правящую партию.⁵⁷ Все, вроде бы, и впрямь очень достойно...

Однако, экс-монарх перестал бы быть самим собой, если б оставил все как есть. И спустя два года мы видим прежнего Милана. Любомир Кальевич

⁵³ Perović L., „Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću“... стр. 100.

⁵⁴ Рајић С., „Милан С. Пироћанац, *За моју децу*, Београд 1895“, у: *Мешовита грађа (Miscel-lenea)*, Београд 2003, Књ. XXI, стр. 143.

⁵⁵ *Кальевич Љ.* Моје успомене... стр. 51.

⁵⁶ См.: Љушић Р., „Пера Тодоровић – противник и пријатељ Обреновића“... стр. 49

⁵⁷ Подробную характеристику радикального режима 1889–1902 гг. см. в: Шемякин А. Л., „Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г.“, у: *Новая и новейшая история*, 2002, № 4, стр. 64–81.

вспоминал: „Через два года после дарования им же конституции, он прибыл в Белград, чтобы рушить это свое творение. С этой целью он пригласил многих лидеров либеральной и напредняцкой партий, убеждая их в необходимости объединения против радикалов и парламентского конституционализма, который *вреден и опасен для престола и порядка в стране*“⁵⁸. Вот так!.. М. Пирочанац, отказавшийся участвовать во встрече с бывшим королем, в сердцах бросил: „Не хочу служить капризам и спекуляциям человека, который, из-за каких-то эгоистических мотивов, сегодня строит в Сербии парламентское государство, а завтра ищет союзников, чтобы его же рушить, причем по, Бог знает, каким личным причинам! Его экспериментов было достаточно... Пришло время сказать ему: ‘Хватит! Оставь эту страну в покое’. Когда ты с таким легким сердцем покинул престол, бросив под ноги монаршие обязанности и взвалив на плечи малолетнего сына тяжесть борьбы с теми трудностями, с которыми ты сам, как зрелый человек, не хотел или не мог справиться, с каким правом ты теперь требуешь от нас, чтоб мы разрушали то, что ты сам же создал, но что вдруг перестало отвечать твоим интересам...“⁵⁹

Русский мемуарист, описывая одного русского императора, заметил: „Власть он воспринимал не как священную обязанность с вытекающей из нее ответственностью, а как данную ему лично привилегию, которая позволяла, не размышляя, следовать своим капризам“⁶⁰. Под эту формулу прекрасно подпадает и Милан Обренович. Причем такое его отношение к власти в конечном итоге окажется роковым не только для него лично, но и для династии вообще. Но об этом чуть позже, пока же договорим о конституции.

Ее дальнейшая судьба известна. В 1892 г. она была нарушена регентом Йованом Ристичем, который передал власть либеральному правительству меньшинства; еще год спустя король Александр произвел государственный переворот (лодку раскачивал его затаившийся до поры до времени отец); а в мае 1894 г., после возвращения экс-монарха в Белград, конституция вообще была отменена. Добавим к этому, что с 1888 по 1903 г. в Сербии сменилось *двадцать два* кабинета, средний век каждого из которых составил всего восемь месяцев⁶¹... Конституцию вернули в действие в июне 1903 г. Но режим, санкционированный ею, можно было назвать *парламентским* лишь по форме, но никак не по сути. О чем мы еще скажем.

И, наконец, о главном достижении короля Милана – создании „мощной военной организации“. Вопрос этот мы рассмотрим вкупе с „правом династии

⁵⁸ Кальевић Љ., *Моје успомене...* стр. 46.

⁵⁹ Там же. стр. 47.

⁶⁰ Врангель Н. Е., *Воспоминания. От крепостного права до большевиков*, Москва 2003, стр. 250.

⁶¹ Ђорђевић Д., *Огледи из новије балканске историје*, Београд 1989, стр. 127.

Обреновичей⁶², по которому, как помнится, и правил предпоследний ее представитель.

Итак, в 1883 г. взамен народного ополчения была создана регулярная армия. Она сразу же отличилась на *внутреннем* фронте, жестоко подавив Тимокское восстание, но, не снискала лавров в Сербско-болгарской войне, потерпев поражение под Сливницей. Заметим к слову, что болгары с меньшими, чем у сербов, затратами содержали более многочисленную армию. Это – к вопросу о цене „достижений“ Милана Обреновича...

После отречения и повременных наездов в Сербию, он, находясь в 1894 г. снова в Европе, подчеркнул в уже известном письме весьма важную мысль: „Я могу служить лишь тогда и в такой мере, в какой этого захочет король. Этого требует монархический принцип“.⁶² Все опять абсолютно корректно. Но, увы, как не раз бывало, – на бумаге.

В реальной жизни уже через год все было совсем по-иному, и высший судебный чиновник Никола Крстич занес в дневник: „Король Милан принимает многих. К нему идут, как и к молодому королю, может быть, даже больше. Чувствуют, что он ворочает делами, вот люди и выются около него, чтобы с его помощью добиться того, чего хотят. Можно сказать, что фактически у нас два короля – старший и младший. Этот правит, а тот влияет на этого. Станет ли это дублирование полезным для страны, покажет время. Но, боюсь, что оно не приведет к исправлению политической ситуации и не обернется добрыми последствиями“.⁶³ Дальше – больше. Еще через два года Милан окончательно вернулся в Сербию и стал командующим регулярной армии. При этом его амбиции не ограничивались чином армейского генерала, придуманным специально для него. Еще до встречи с сыном в Париже осенью 1897 г., где и было решено о возвращении экс-короля, тот принялся выяснять лукавый вопрос: носил ли основатель династии, старый князь Милош, титул „верховного вождя“, как в свое время Карагеоргиев.⁶⁴ Поиски столь сомнительной легитимности при живом и законном монархе были явно в противоречии с высокими фразами о „принципе монархизма“.

При этом, многим было очевидно, что король-сын тяготеет растущим влиянием и жесткой волей родителя, который, „чем увереннее и сильнее чувствовал себя в армии, тем больше стремился к доминированию над всем и вся...“.⁶⁵

⁶² РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.427. „Краљ Милан и краљица Наталија“.

⁶³ АСАНУ. Бр. 7213. Дневник Николе Крстића. „Јавни живот“ (1895). Запись от 15 апреля.

⁶⁴ Милићевић М., *Реформа војске Србије. 1897–1900*, Београд 2002, стр. 8, 59; Новаковић Ст., *Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903*, Београд 1912, стр. 71.

⁶⁵ Каљевић Љ., *Моје успомене...* стр. 55.

Естественно, что длиться вечно такое положение не могло: мина, своими руками заложенная Миланом Обреновичем под здание династии, рванула в июле 1900 г., когда была объявлена помолвка короля Александра с Драгой Машин; король-отец находился в то время за границей, ему запретили возвращаться в страну.⁶⁶ Важную (для понимания логики этих событий) зарисовку состояния монарха оставил П. Тодорович. В мае, т.е. за полтора месяца до разрыва, он написал нервные слова Александра: „»Но и это ‘король-отец’ – это глупо, очень глупо! То есть, поймите меня правильно, глупо само понятие ‘король-отец’. Что это значит? ‘Король-отец’, ‘король-сын’? То, что в Сербии есть два короля – отец и сын. А это ложь, господин Пера! В Сербии один-единственный король. И это я, сербский король Александр I. А все остальное – это интрига и фальсификация. Люди выдумали ‘короля-отца’, чтобы меньше выглядел ‘король-сын’. Поскольку отец всегда умнее и старше сына«. Говоря это, – заключал Тодорович, – король встал передо мной и поднял указательный палец вверх. »Этого хотят, этого многие хотят, господин Пера! Но, цыц! Я все вижу и этого не допущу! Не допущу, господин Пера!...«⁶⁷. Что ж, короля Александра можно понять. И не он виноват в том, что попытка приватизировать „право династии Обреновичей“, предпринятая его отцом, закончилась так плачевно для них обоих.

Но вернемся к сербской армии. Мы совсем не желаем отрицать немалые военно-технические и организационные результаты, которых добился Милан Обренович в ходе почти трехлетнего управления регулярными войсками. О военной реформе 1897–1900 гг. написана целая монография, а потому только повторим ее главный вывод – реформа была „успешной“, а связанные с ней позитивные нововведения не могли не проявиться в судьбоносные 1912–1918 гг.⁶⁸

Нас, однако, больше интересует „другая сторона медали“, а именно место и роль армии в государстве, на которое ее вознес командующий, и то, как он это сделал.

Вполне очевидно, что кроме чисто военной составляющей, в реформе сербской армии имелся и выраженный внутренний подтекст – Обренович IV строил из нее опору трона. А это, последнее, не могло не быть в условиях тогдашней Сербии рискованным делом. Ведь еще в 1883 г., подавив с помощью армии Тимокское восстание, т. е. втянув оную в политику, он в какой-то мере превратил династию в ее заложницу...

⁶⁶ „О возвращении его в Сербию и восстановлении его политического влияния не может быть и речи“, – заявил король Александр российскому поверенному в делах П. Б. Мансурову 15 августа (Архив внешней политики Российской империи. Ф.Политархив. 1900 г. Д.2861. Л.85).

⁶⁷ Тодоровић П. „Мрачна слутња! (Једна успомена с пута краља Александра)“, у: Тодоровић П., *Огледало. Зраке из прошлости...* стр. 265–266.

⁶⁸ Милићевић М., *Реформа војске Србије. 1897–1900...* стр. 163–166.

В конце же XIX в. этот *внутренний* компонент только усилился. Став во главе армии, Милан (на правах отца короля) выбивал для нее из бюджета суммы, ранее и не снившиеся военным министрам. При этом, ему было абсолютно безразлично, из каких иных статей изымаются средства. Было увеличено жалование; награды и всевозможные доплаты сыпались на офицеров, как из рога изобилия. Милан поднял значение военных в обществе, в сравнении со „штафирками“, даже там, где этого не следовало делать. И, соответственно, милитаризация так называемого „Октябрьского режима“ 1897–1900 гг. усиливалась, а армия становилась государством в государстве. Королем этого теневого государства был Милан Обренович. Его так и звали: „король армии“. ⁶⁹ Увеличив прием в Военную Академию, он сформировал многочисленный корпус лично ему преданной военной молодежи, для которой стал буквально „идолом“. Значение же Александра, т.е. настоящего короля, не вмешивавшегося в военные дела, в глазах офицерства падало.

При этом, „тимокский синдром“ (а его продожили сознательно культивировать) глубоко засел в сознании офицеров. „Мы – армия. Это организованная оборона страны от агрессии извне и гарант внутреннего порядка... И если нам, как военным, долг велит защищать отечество от внешних врагов, то почему нам не защищать его и изнутри“ ⁷⁰, – говорили будущие заговорщики. А гарантия „внутреннего порядка“, или защита трона Обреновичей, ассоциировались у них теперь с лояльностью *одному* „королю армии“. ⁷¹ „Мы обожали короля Милана“ ⁷², – было лозунгом взводных и ротных командиров.

И как только пути отца и сына разошлись, армия, а точнее – молодое поколение офицеров, выпестованное и прирученное Обреновичем-старшим, сделало свой выбор.

„События 29 мая 1903 г. невозможно отделить от личности Милана Обреновича, – констатировал прекрасный знаток той эпохи Милан Йованович-Стоимирович, – ибо заговор родился в тот момент, когда разнеслась весть, что его сын приказал убить отца, если он силой попытается перейти границу Сербии“ ⁷³ То же самое подтвердили и сами молодые заговорщики... ⁷⁴ Причем, пока Милан Обренович был жив, они предполагали „всего лишь“ изгнать короля Александра с супругой из Сербии и вернуть его отца, но

⁶⁹ Там же, стр. 12.

⁷⁰ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. „Заверинички разлози“.

⁷¹ Јовановић С., „Влада Александра Обреновића. Књ.3.“, у: *Сабрана дела С.Јовановића*, Т. 7, Београд 1990. стр. 326. См. также: Милићевић М., *Реформа војске Србије. 1897–1900...* стр. 21.

⁷² РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. „Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.“.

⁷³ Там же. „Краљ Милан од Ивањданског атентата до смрти и непосредно после ње“.

⁷⁴ Там же. „Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.“.

после смерти того, полгода спустя после разрыва с сыном, судьба последнего была решена иначе.

Такова была цена создания „мощной военной организации“. Милан Обренович, сам того не ожидая, выпустил из бутылки джинна, которого никак не удавалось загнать обратно вплоть до Мировой войны... Классик сербской исторической науки Слободан Йованович был глубоко прав, заметив: „Обреновичи не смогли превратить королевское достоинство в святыню для офицеров, какую они уважают безотносительно к тому, кто является его носителем. Они создали армию, но без подлинно военной идеологии...“⁷⁵ Как, вообще-то говоря, пристало быть в „современном европейском государстве“.

Подводя итог размышлениям о короле Милане (естественно, не претендующим на полноту и бесспорность), повторим высказанную выше мысль – он воспринимал власть, как „данную ему лично привилегию“, слишком сильно (в духе „короля-солнца“) отождествляя Сербию с самим собой и своими личными интересами. Воистину, „как рожденный деспот, он был неспособен замыслить государство, отделенное от него“.⁷⁶ В начале 1890-х гг. его ближайшие в недалеком прошлом сотрудники Стоян Новакович и Милутин Гарашанин вынесли жесткий вердикт: „В нем нет патриотизма, он не любит свою страну“.⁷⁷ И, действительно, он гораздо больше любил себя в „своей стране“.

Король Александр, как мы уже видели, унаследовал много отцовских черт, как в отношении к народу, так и в понимании политики и своей роли в ней. За неполные три года „самостоятельного“ правления он даровал конституцию и отменил ее, устроил два государственных переворота и подавил демонстрацию в Белграде. И все же, чисто по-человечески (по крайней мере, на наш взгляд), он заслуживает большего снисхождения у Истории, чем предшественник...

Народу же сербскому очень надоели политические кульбиты Милана и его сына. Путешествуя летом 1901 г. по Восточной Сербии, российский посланник зафиксировал „теперешний политический идеал сербов Королевства“ – внутри страны это был „’едан децениум мира’ (десятилетие спокойствия. – *А. III.*), т.е. желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы, дабы люди могли спокойно заниматься своими домашними делами“⁷⁸. Что ж, этот „децениум мира“ будет им обеспечен во время следующего царствования.

⁷⁵ Јовановић С., „Влада Александра Обреновића. Књ.3“, у: *Сабрана дела С.Јовановића*, Т. 7... стр. 365.

⁷⁶ Николајевић Д., *Краљ Милан и Тимочка буна...* стр. 5.

⁷⁷ Мале А., *Дневник са српског двора. 1892–1894...* стр. 186.

⁷⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. 1901 г. Д.492. Ч.2. Лл. 65–65 об.

* * *

Вступивший в 1903 г. на сербский престол Петр Карагеоргиевич был человеком иного, чем последние Обреновичи, склада. 60-летний, умудренный эмиграцией вдовец, он старался править в рамках восстановленной конституции, хотя и не был полностью свободен в своих действиях – участники переворота 29 мая, „освободившие“ для него трон, стремились всеми средствами сохранить свое привилегированное положение при новом режиме. Понятно, что они не ладили с гражданскими властями, выступавшими против такого порядка. И бывало, что, во избежание толков, монарх приглашал главу правительства Николу Пашича на аудиенцию, но... с черного хода. Давний соратник и интимный друг Петра Карагеоргиевича еще со времен эмиграции, священник Милан Джурич объяснял подзабытому сербские обычаи правителю всю бесперспективность *таких* приглашений: „Если Пашич не сможет войти во дворец с парадного входа, тогда он вообще не придет...“. И далее еще более определенно: „Если ты, государь, думаешь, что, в случае выбора между тобой и Николой, народ выскажется за тебя, то ты глубоко заблуждаешься“.⁷⁹

Это весьма фамильярное и содержащее в себе скрытую угрозу, предостережение очень емко выразило традиционное отношение сербов к власти, которое, как и прежде, характеризовалось полным отсутствием *сакрализации* монарха. Ведь, когда еще в конце XIX в., вернувшийся в Белград экс-король Милан пытался поднять падающий престиж династии Обреновичей провозглашением князя Михаила „Святым Великомученником Сербским“, то эта попытка, по словам очевидца, „вызвала у нас, с одной стороны, смех, с другой же – прямо-таки взрыв негодования“.⁸⁰ Опять же почему? „У нас нет вековой монархической традиции, – прием за ответ выступление одного из парламентариев, – а потому и монархическое чувство, каковое присутствует в других государствах, у нас не развито...“⁸¹ Все точно! Дистанции между подданными и монархом, в отличие, скажем, от России, в Сербии не существовало вовсе. Как вспоминал воевода Живоин Мишич, во время отступления сербской армии осенью 1914 г. он отговаривал короля Петра от посещения боевых частей: „Солдаты ворчат, и дело закончится тем, что они возьмут и просто обматерят и меня, и Вас“. А ставший вскоре знаменитым Джон Рид, оставил свидетельство о встрече с одним сербским кучером, который после сменившей это отступление блестящей Кумановской победы назвал своих лучших

⁷⁹ Цит. по: Игъић С., *Народни трибун прота Милан Ђурић*, Ужице 1992, стр. 168–169. См. также: Јовановић-Стојимировић М., „Прота Ђурић“, у: Јовановић-Стојимировић М., *Силуете старог Београда*, Београд 1987, Књ. 2, стр. 151–152.

⁸⁰ К., „Письмо из Белграда“, у: *С.-Петербургские ведомости*, 11 июля 1899 г., № 186.

⁸¹ *Никола Пашић у Народној скупштини*, (приредила Д. Стојановић), Београд 1997, Књ. 3, стр. 326 (документ 69, примечание 1).

коней – Воевода Мишич и Король Петр.⁸² Такой вот простой, но очень много говорящий, крестьянский юмор...

Добавим к этому и длительное, практически на протяжении века, соперничество двух сербских династий за верховную власть, что также не способствовало укреплению „монархического чувства“. Мало того, борьба Обреновичей и Карагеоргиевичей – эта постоянно тлеющая сербская версия войны Алой и Белой Роз, сыграла роковую роль в истории страны, которая, первой вступив на путь национального освобождения, затем забуксовала, обескровливая себя во внутренних расколах. Кстати говоря, прекращение во что бы то ни стало этой внутренней войны было главным мотивом майских событий 1903 г., по замыслу их *политического* организатора Джордже Генчича.⁸³

После же 29 мая, когда, по выражению вождя напредняков Павла Маринковича, „вся Сербия видела, как король (каким бы он ни был) вылетел вниз головой в окно, с неприкосновенностью и престижем монарха было вообще покончено...“.⁸⁴ „По нашим понятиям, – вторил ему лидер либералов Войя Велькович, – в занятии королем Петром престола столько же божественного права, сколько в занятии господином Пашичем его премьерского кресла“.⁸⁵

Подведем промежуточный итог: отношение сербов к своим королям было всегда *приземленным* – все мы родом из одного корня (феномен национальных, плебейских по происхождению, не укорененных в прошлое и выборных династий). Соответственно, за монархом, как главой семьи, они признавали лишь *первенство*, но не *превосходство*. В такой ситуации абсолютная власть, вознесенная над „сородичами“ и опирающаяся на штыки, долго существовать не могла. Милан Обренович, практиковавший такой способ правления, ощутил это, как мы видели, весьма скоро. Но „свято место пусто не бывает“ – авторитет и доверие, в случае их отсутствия у правителя, могли переноситься и на популярного политика, если тот вписывался в патриархальные представления народа о власти. Явление вполне типичное – на протяжении XIX века в Сербии было немало харизматических народных вождей. Высшим автори-

⁸² Рид Д., *Вдоль фронта*, Москва–Ленинград 1928, стр. 104.

⁸³ Заметим, что в своих резонах либерал Дж. Генчич был не одинок. Еще в 1894 г. в журнале *Дело* радикал Стоян Протич писал: „Сербия имела две династии, два полюса, которые рядом существовать не могли... В Греции, Болгарии и Румынии не было той династической распри, которая отбросила Сербию на пятьдесят лет назад, ибо ее граждане разделились на сторонников Обреновичей и Карагеоргиевичей... Династический вопрос, таким образом, сильно затруднял консолидацию народных сил для нормального развития страны“ (Жедан новинар, „Политичка размишљања из историје наших дана“, у: *Дело*, Београд 1894, Св. 1). Кстати говоря, Генчич и Протич вошли в состав кабинета Йована Авакумовича, сформированного сразу же после переворота.

⁸⁴ Цит. по: Поповић-Обрадовић О., „Идеја и пракса уставности у Србији 1868–1914: између либералне и ‘народне’ државе“, у: *Хелсинике свеске. Русија, Србија, Црна Гора*, Београд 2000, стр. 51.

⁸⁵ Там же.

тетом, таким образом, наделялись не корона или трон, которые в сознании сербского человека никогда не связывались с помазанничеством Божьим, а конкретный человек.

В сравнении с королем Петром, что мы опять же наблюдали (поначалу чужаком, уважаемым в народе лишь как внук Карагеоргия), таким человеком и оказался Никола Пашич – этот, по словам Л. Троцкого, „абсолютный властитель Сербии“. „В Белграде, – продолжал будущий соавтор русского Октября, – все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича. Про короля Петра там вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам... А Пашич всегда и у всех на уме и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно. За ним Сербия не пропадет, за Николой Пашичем...“⁸⁶ Показательно, что и за 20 лет до этого – в 1892 г., а значит еще в эпоху Обреновичей, другой очевидец, на сей раз французский историк, констатировал то же самое: „Пашич создал вокруг себя ореол легенды, став в народе олицетворением какой-то страшной силы. Если что-то не в порядке отовсюду слышится: ‘Ах, если бы Пашич был здесь. Когда же он будет здесь? К счастью, остается Пашич’. Эту легенду следует развеять, и тогда радикальная партия развалится“⁸⁷. Во всем был прав наблюдательный француз, кроме одного – подлинных, т.е. долго живущих, легенд сами о себе люди не создают...

В свое время Макс Вебер выделил важнейший критерий „харизматического типа господства“ – он опирается на „личные отношения между господином и подчиненным“, противостоя „формально-рациональному типу господства, как безличному“.⁸⁸ Случай с Пашичем наглядно доказывает оправданность данного заключения.

В качестве иллюстрации того приведем всего лишь несколько примеров.

В 1901 г., как известно, Радикальная партия раскололась на две организации: старорадикалов – твердых сторонников Н. Пашича, и младорадикалов – так называемую Независимую радикальную партию. Интересен отрывок из дневника Йована Жуйовича, где рядовые независимцы дают характеристики собственным вождям и Пашичу: „Наши хотели бы командовать, но мы им не рабы. Мы их выбираем, а не они нас. У шефа нет терпения. Не желает слышать никакой критики... Пашич же терпит все. Он посещает партийные сборы и вечеринки. Однажды в Нише он был на таком сборе и услышал, что тот не желает выдвигать его в парламент. Ночью он достал две пачки червонцев, и на другой день Станко Петрович (местный функционер. – А. Ш.) провозгласил

⁸⁶ Троцкий Л. Д., *Собрание сочинений*, Москва–Ленинград 1926, Т. 6, (Балканы и Балканская война), стр. 89.

⁸⁷ Мале А., *Дневник са српског двора. 1992–1994...* стр. 199.

⁸⁸ Гайденко П. П., „Социология Макса Вебера“, у: Вебер М., *Избранные произведения*, Москва 1990, стр. 28.

его на сборе кандидатом...“.⁸⁹ А в 1913 г., во время II-й Балканской войны, русский корреспондент встретил на одной из станций состав Пашича, ехавшего на встречу с Э. Венизелосом в Скопье. По свидетельству журналиста, премьер „вышел на платформу, и был тотчас же окружен толпой поселян, с коими он дружески поздоровался за руку и которые начали его расспрашивать о положении дел“.⁹⁰

Последний русский посланник при сербском дворе, князь Г. Н. Трубецкой также оставил весьма наглядную зарисовку деятельности Пашича в годы I-й Мировой войны: „Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Остальные члены кабинета были много моложе Пашича, который смотрел на них как на молодых людей, говорил им ты и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии“. И далее: „Он правил страной наподобие сельского старосты в большом селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество. Всего более напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство“.⁹¹ И репортер „Нового времени“ вспоминал в 1916 г., как год назад был принят Пашичем: „К нему идут, как к отцу, и двери его кабинета открыты для всех. Он не только глава правительства, но он – друг, с которым советуются обо всем, к голосу которого прислушиваются“.⁹²

Такая власть *своего* старосты (или „отца“) вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые для него дни фаталистически замечал: „Байя знает, что делает“, а значит – все образуется...

В институциональном плане это могло означать лишь одно – в *демократической* стране с *парламентским* правлением сложилась по сути дела однопартийная система (или, если говорить точнее, „полуторапартийная“: с одной стороны радикалы, с другой – все остальные, т.е. „не-радикалы“⁹³). „Вместо власти одного человека, – как писал Ст. Новакович, – в Сербии под маской демократии установлена власть одной-единственной партии“⁹⁴, где, по словам Йована Скерлича, „существует личный режим, или олигархия нескольких ли-

⁸⁹ Жујовић Ј., *Дневник...* Књ. 1, стр. 221.

⁹⁰ Маргынов Е. И., *Сербия в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца*, Москва 1913, стр. 30–31.

⁹¹ Трубецкой Г. Н., *Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах*, Монреаль 1983, стр. 88–90.

⁹² *Diplomaticus*, „Никола Пашич“, у: *Новое время*, 17 (30) апреля 1916 г.

⁹³ Стојановић Д., „Партијске елите у Србији 1903–1914.“, у: *Југословенски историјски часопис*, 1997, Бр. 2, стр. 47.

⁹⁴ АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 428. Л.3.

дерев, которые держат в своих руках не только партию, но и страну“.⁹⁵ И эта власть одной партии, заметим, была добровольно принята и поддержана сербским крестьянством... Вершителями судеб Королевства „всерьез и надолго“ стали Никола Пашич и его радикальная генерация.

Правда, такой режим с трудом можно было назвать подлинно парламентским. И, действительно, „в рамках парламентской формы, установленной конституцией 1903 г., сама суть сербского парламентаризма отступала от базовых принципов парламентского государства“.⁹⁶ То же произошло и с демократией: в стране „сложилась специфическая модель демократии, которая восприняла институциональную систему с Запада, но при этом изменила содержание основополагающих идей...“.⁹⁷ В привычно-патриархальном духе, естественно.

* * *

Таким образом, национальное согласие вызревало в Сербии после 1903 г. на базе *традиционных* понятий о власти, которые, как уже отмечалось, требовали соблюдения скорее обычая, нежели закона. И, действительно, длительное проживание в локальных сельских сообществах, где все друг друга знали, малая абсорбирующая способность городов, что также напоминали большие села, и явный недостаток городской культуры, вели к тому, что общественная дисциплина базировалась опять-таки на личностных, а не формальных принципах. По точной дефиниции британского наблюдателя из 1918 г., „патриархальные личные связи и равенство между людьми еще не успели заместиться безличными отношениями, какие порождает индустриализация“.⁹⁸ Поэтому ощущение долга к своему ближнему кругу (родственников, друзей, земляков), как того требовал старый обычай, часто превалировало у сербов над общегражданской ответственностью, закрепленной законом. Что ж, как зафиксировал в январе 1912 г. все тот же Й. Жуйович – один из редких подлинных сербских интеллекту-

⁹⁵ АСАНУ. Заоставштина Живана Живановића. Бр. 14423/734. Л.28.

⁹⁶ Димић Љ., *Историја српске државности. Србија у Југославији*, Књ. 3, Нови Сад 2001, стр. 96. Исчерпывающее объяснение этого феномена, в контексте сербского традиционного общества, см. в: Поповић-Обрадовић О., *Парламентаризам у Србији. 1903–1914*. Београд 1998. С „парламентским режимом“ как-то плохо соотносится и наличие мощных *неконституционных* центров силы и влияния. Речь идет о клике заговорщиков, консолидировавшихся в 1911 г. в организацию „Объединение или смерть“. Действуя полулегально, она нередко провоцировала кризисы в отношениях с конституционными властями, а знаменитый „спор о компетенциях“ в 1913 г. вообще поставил страну на грань военного переворота. Добавим, что в июне 1914 г. жертвой такого кризиса стал сам король Петр, поддержавший заговорщиков. Но гражданское правительство Пашича спас столь же неконституционный фактор – российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг.

⁹⁷ Стојановић Д., *Србија и демократија. 1903–1914*, Београд 2003, стр. 240.

⁹⁸ Лафан Р., *Срби – чувари капије...* стр. 271.

алов, президент Сербской Академии наук и министр, „даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации...“⁹⁹

Добавим и разницу в восприятии права и справедливости, присущую сербам, которые, как заметил Слободан Йованович, „часто считают несправедливым даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае“.¹⁰⁰ Формальная процедура убивала в их глазах человечность.

Впрочем, такой подход был характерен для традиционного сознания вообще. В частности, В. А. Гиляровский с точностью формулы вывел его в своих русских типах: „Жалости подобно! Оно хоть и по закону, да не по совести“.¹⁰¹ Или классический ответ Маши Мироновой Екатерине II из „Капитанской дочки“: „Я приехала просить милости, а не правосудия...“.¹⁰²

Новая сербская власть также далеко не всегда следовала „законной процедуре“. По признанию современника, „у нас тогда была счастливая эпоха – никто не выступал против конституции, но не особенно-то и взыскивалось за нарушение закона. До самой смерти Пашича, когда наступил закат этой великой эпохи, случаи беззакония в нашей стране были нередки, однако оно никогда не превращалось в систему...“.¹⁰³ И еще одно наблюдение о той „великой эпохе“, на сей раз – русского автора: „Сербский поселянин исполнен чувства собственного достоинства и держит себя хозяином в своей стране. Вообще, выражаясь по-русски, Сербия – это настоящее мужицкое царство“.¹⁰⁴ С Николаем Пашичем у власти, добавим от себя...

⁹⁹ Жујовић Ј., *Дневник...* Књ. 1., стр. 226.

¹⁰⁰ Јовановић С., „Осећање правде у динараца“, у: Јовановић С., *Један прилог за проучавање српског националног карактера*, Виндзор 1964, стр. 43.

¹⁰¹ Гиляровский В. А., *Москва и москвичи*, Москва 1979, стр. 303.

¹⁰² См.: Стефаненко Т. Г., *Этнопсихология*, Москва 2003, стр. 148.

¹⁰³ Дучић Ј., „Личност Николе Пашића“, у: Дучић Ј., *Сабрана дела*, Сарајево 1969, Књ. 6, стр. 192.

¹⁰⁴ Мартынов Е. И., *Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца...* стр. 24.

Резиме

Андрей Леонидович Шемякин

Народ и власт у независној Србији 1878–1918

Чланак је допринос широј истраживачкој теми, која би се могла дефинисати као „Држава и њене институције у традиционалним друштвима“. У тексту се анализира однос поданика према монархијској власти у независној Србији у периоду од 1878. до 1918. године. Аутор истражује на који начин су српски сељаци схватили институцију монархије и, уопште, државну власт и своје политичке предводнике. Трага се за разлозима и објашњењем због чега се и након задобијене независности и проширења, српска држава, уместо консолидације и окретања унутрашњем развоју, и даље налазила у сталној кризи, услед чега ни један српски суверен, осим Милоша Обреновића, није умро у владарској постељи. Посебна пажња посвећена је функционисању државе у тим перманентно нерегуларним околностима и утицају разних нелегитимних центара моћи на политички живот. Аутор закључује да су српски поданици власт свог владара доживљавали као проширену власт главе патријархалне породице, а не као власт божијег изабраника. Међутим, за разлику од традиционалне монархијске власти, у случају „новог монархизма“ који је успостављен у Србији XIX века, показале су се бројне слабости које је имала власт патријархалне „главе породице“: власт патријархалног старешине била је изборна и подложна смењивању, а он је био одговоран пред заједницом, а не пред богом. У Србији није успостављена дистанца између власти и народа, није постојало племство нити дворјани, тако да је између владара и народа стајао само танки слој бирократије и официра. Поданици владаре нису поштовали на начин како је то чињено у другим европским монархијама, него су се према њима опходили као према „првима међу једнакима“. Српског монарха је лако било угрозити, што је условило сталну нестабилност њиховог положаја. Чланак не претендује да исцрпи тему, већ да је отвори и постави основне линије будућег компаративног истраживања односа народа и власти у балканским државама.